

ЧЕТЫРЕСТА ЛЕТ прошло со дня рождения Шекспира. Устарел ли он? Обратимся к фактам. Его играют на всем земном шаре. Герои его драм и комедий стали персонажами всемирной мифологии. Гамлет, Макбет, Отелло, Яго, Лир, Фальстаф, Титания, Пэк, Ариэль, Просперо — все они сопутствуют нам в жизни так же, как Дон-Кихот, как Улисс, как Ахилл. Кино, этот новейший вид искусства, тоже стремится взять как можно больше из его творчества. Лоуренс Оливье и Орсон Уэллс нашли в Шекспире своего лучшего сценариста. В СССР Сергей Юткевич снял «Отелло». Во Франции Жан Кокто экранизировал «Ромео и Джульетту». У критиков появились все основания говорить о «нашем современнике Шекспире».

Откуда же эта поразительная, вечная молодость?

Прежде всего Шекспир был типичным примером актера-автора. Такая профессиональная комбинация весьма благоприятна для драматурга. О том же свидетельствует и биография Мольера. Оба они — до мозга костей люди сцены — вошли в эту прекрасную профессию через маленькую боковую дверь. Прежде чем стать драматургом, Шекспир был механиком, переписчиком, актером на всех амплуа, переделывал пьесы. Театр — не только писательское ремесло. Это каждодневная борьба, которую вместе с драматургом ведут и актеры, и декораторы, и костюмеры. Добиться полной удачи на этом поприще может только гениальный мастер. Очень хорошей, если не единственной школой для него является переделка старых пьес. Мольер подражает Плавту, который в свою очередь вдохновлялся Менандром. Шекспир работает над текстами Марло. Подражая, он превосходит. Пройдя сквозь бесчисленные суровые испытания, он проникается изумительным ощущением театра, и только благодаря этому ощущению сегодня, как и вчера, он безраздельно владеет сердцами и умами зрителей.

Однажды Луи Жувэ сказал мне: «Не доискивайтесь, кто я такой... Я просто не могу быть кем-то, иначе как же я стал бы актером?» Шекспир подобен Протею, существу, наделенному поразительным даром преображаться то в девственницу (Офелия), то в безумца (Лир), то в мятежника (Кориолан), то в убийцу (Брута), то во влюбленного (Ромео). И все это предельно правдоподобно, ибо он сам способен испытывать любые страсти. Он жил в век великих приключений и авантюр. Он родился в одном из самых поэтических городов мира. Очарование арденского леса, усеянного весенними цветами. Берега Эвона, окаймленные плаучими извивами и тополями. Бархатная зелень газонов делала Стрэтфорд по особенному красивым. Прибавьте к этому радостный, веселый дух

ВЕЧНАЯ МОЛОДОСТЬ

элизаветинской эпохи с ее гомоном и песнями, грубоватым языком и скабрезностями. Вот, собственно, откуда своеобразный «климат» первых шекспировских комедий, изображающих жизнь этого молодого общества. Он влюблен в это бурливое бытие, полное великой человеческой горячности.

Но счастье и удачливость сами по себе не создают великих. Счастье так внезапно и легко улетучивается... Фавориты гибнут. Эсекс, которому Гамлет, возможно, обязан некоторыми своими чертами, вовлекается в заговор. Вскоре его обезглавливают, и он увлекается за собой в могилу Саутгемптона. Шекспир ошеломлен — его бросает в дрожь от подлости и трусости тех, кто в дни пиров и веселья был неразлучен с казненными, а ныне клянет их на чём свет стоит. Горьким привкусом отмечены его самые прекрасные драмы, написанные между 1601 и 1608 годами. Большой поэт способен воспеть гениально только то, что сам испытал, ощутил сердцем и кровью. «Короля Лира» и «Тимона Афинского» можно сочинить только в состоянии, близком к умопомешательству. Комедиям второго периода — «Мера за меру», «Троил и Крессида» — уже не присуща та мягкая и радужная атмосфера, что свойственна первым. Здесь уже не трогательная любовь, но распущенность, разврат. Очнувшись на роковой грани, узкой, как бритвенный лезвие, семь лет подряд Шекспир исследует глубины зла.

Жизнь — это только тень, комедиант, Паясничавший полчаса на сцене
И тут же позабытый; это повесть, Которую пересказал дурак:
В ней много слов и страсти, нет лишь смысла.

Какой Камю, какой Сартр говорили так поэтично об абсурдности мира?

И как же он выходит из этого кризиса? Так же, как и Достоевский, — через ужас, доведенный до гиперболы. Шекспир потрясен бездной злобы и низости, разверзшейся перед ним, но вместе с тем обнаруживает в людях неведомые ему величие и волю. Вот почему за страшным «Тимоном Афинским» следует «Буря» — провозвестница душевного спокойствия. Шекспир возвращается в Стрэтфорд. Снова он видит цветы, слышит щебетание птиц. К чему весь этот гнев, вся эта неприязнь? Разве наша жизнь не соткана из одних лишь мечтаний? Так отбросим же страхи. Ведь даже чудовища, что

преследуют нас, и те примерещились нам. Что ж, и для кудесника приспело время уйти на покой. Просперо ломает свою волшебную палочку. Больше Шекспир писать не будет... Спектакль окончен! Наши актеры были лишь некоторыми колдовскими тенями, вот они уже исчезают, растворяются в воздухе.

Так сложилась судьба Вильяма Шекспира... Такова судьба всякого человека, способного глубоко чувствовать.

Но вот еще один довод в пользу того, что Шекспир не может устареть. Ему были ведомы все возрасты человека, все его страсти. В шекспировских персонажах каждый из нас узнает себя. Ведь живет и страдает сейчас, в эту самую минуту, множество гамлетов — студентов университетов Виттенберга, Оксфорда, Парижа, Москвы, всего мира. Как Поль Клодель заметил Жану-Луи Барро, что знаменитый монолог «Быть или не быть» следовало бы произносить перед бутылкой виски и сифоном с содовой водой. Каждый вечер Отелло убивает Дездемону, и первые страницы наших газет обагрены пятнами крови. Я видел короля Лира и его жестоких дочерей во многих буржуазных семьях Франции. И где-то неизменно присутствовала кроткая Корделия.

Все нынешние литературные школы признают в Шекспире прародителя... нет, современника!

Кого больше, чем Гамлета, терзают экзистенциалистские страхи? Кто, кроме Шекспира, умел с такой несравненной смелостью обрывать философические монологи своих героев? Наши самоновейшие драматурги пуще огня боятся реализма и показывают на сцене только какие-то знаки и символы. Вспомните сцену из «Сна в летнюю ночь», когда сельские комедианты договариваются, что один из них будет луной, другой — стеной и что влюбленные должны переговариваться через «щель» между пальцами. Какой режиссер театра «новой волны» не стал бы гордиться такой находкой!

Марксисты прощают Шекспиру защиту тюдорского абсолютизма, как прощают Бальзаку защиту трона и алтаря, ибо оба великих писателя дали достоверную картину взаимодействия общественных сил своего времени.

И потом, как это Шекспир может устареть, если самое молодое из изящных искусств, а именно искусство кино, черпает в его творчестве самый что ни на есть лучший материал для сценариев? Почему это так? Да потому, что самый пафос кино и его удиви-

тельный поэтики основан на быстром движении, на быстрой смене кадров. Но разве не то же самое видим мы у Шекспира? Через сцену проходят целые армии. Отблеск молнии скользит по кольчуге воина... Влюбленные мечутся по лесу, ищут друг друга. Вот они едва не столкнулись, вот, наконец, встретились. Показать все это на театре не так-то легко, а для кино движение и действие — самая его суть.

Сергей Юткевич сказал, что некоторые реплики Отелло словно специально написаны для крупного плана, когда должно быть видно только лицо мавра, только слеза, стекающая по смуглой, обветренной щеке. Вообще говоря, поэзия не любит слишком громоздких композиционных построений. А вот Шекспир, тот «строит» без всяких предосторожностей. «Все его произведения сделаны из каких-то осколков», — пишет философ Аллен. — Тут нога, там рука, вдруг какая-то, невесть откуда взявшийся мертвец, не связанный ни с кем и ни с чем. Но все это реально, и человек — будь то привратник или сам кесарь — сплошь и рядом раскрывается в таких подробностях. Их вполне достаточно».

И вот что всего удивительнее: этого автора, универсально почитаемого и признанного величайшим из драматургов, лишь мало кто из его поклонников знает понастоящему, до конца. Помимо красот, очевидных всякому, в его текстах много куда более чудесного, но раскрывается это только при чтении оригинала.

Шекспир — самый великий английский поэт. Лучше, чем всем, ему удалось добиться неостановимого соответствия музыки стиха его смыслу. Никакой перевод не может дать даже отдаленного представления об этом... Для перевода, действительно достойного Шекспира, нужен второй Шекспир. И если, несмотря на неизбежное обеднение, тексты переводов все-таки звучат возвышенno, то это лишний раз свидетельствует о неисчерпаемом богатстве оригинала. Сколько шекспировских изречений прочно вошло в языки мира! «И в небе и в земле скрыто больше, чем снится вашей мудрости, Горацио». Прожив четыреста лет, эти фрагменты из самой благодорной в мире поэзии не лишились своей первоначальной красоты. Волшебная палочка Просперо не утратила своей магической силы, вопреки всем препятствиям, вопреки векам. Ариэль победил Калибана.

Вот почему Шекспир не может устареть.

Андрэ МОРУА,
французский писатель